

К исследованию отношений между языками

Статья посвящена краткому обзору актуальных вопросов сравнительно-исторического языкознания, удовлетворительное решение которых автору представляется необходимым для дальнейших прорывов в этой области. К таким вопросам, в частности, относятся лексико-семантическая реконструкция; успешное применение морфологического и лексикостатистического критериев для установления границ языковых семей и макросемей; проблемы фонетической интерпретации реконструированных фонологических систем; усовершенствование критериев разграничения между заимствованной и генетически родственной лексикой. Возможные подходы к решению этих и других вопросов проиллюстрированы автором на материале древних и реконструированных языков Передней Азии.

0. За более чем два века существования сравнительного языкознания накоплен не только огромный фактический материал, относящийся к надежно установленным *родственным связям* между языками, но и достаточно разнообразный набор теоретических предположений и допущений, позволяющих ориентироваться в *основаниях* этой области науки. В связи с началом издания предлагаемого вниманию читателей нового журнала, посвященного таким исследованиям, представляется целесообразным обозреть важнейшие из тех проблем, с которыми сталкиваются все, этой областью знания занимающиеся. Ниже кратко говорится об ее теперешнем состоянии, причем внимание обращено на спорные и дискуссионные моменты, особенно нуждающиеся в совместном обсуждении специалистов по разным семьям языков.

1. Основой для *установления родства* двух и более языков (как древнеписьменных, так и современных или известных благодаря применению к двум первым категориям процедур реконструкции) является выявление систематических отношений между множествами *лексических и грамматических морфем* и их сочетаний в *словах*, в этих языках засвидетельствованных. Рассмотрим отдельно вопросы, касающиеся лексики и грамматики.

2.1. Сопоставление определенных *частей словарей* двух и более языков остается главным предварительным инструментом установления родства. Исследователи различаются по характеру критериев отбора лексического материала. За последние десятилетия достигнуто существенное продвижение в сравнении базисных (*стословных*, но также и *200-словных*) списков слов в соответствии с идеями *лексикостатистики и глоттохронологии*. Ряд уточнений к исследованиям М. Сводеша и его продолжателей (ср. обзор взглядов и прежней литературы [АРАПОВ, ХЕРЦ 1974]) был предложен в работах, собранных в книге [СТАРОСТИН 2007], в частности, по новому методу могут сравниваться не слова, а *корневые (лексические) морфемы в текстах определенной длины*¹. Тем не менее вероятно продолжение обсуждений, касающихся, в частности, различий в коэффициенте, определяющем *темп обновления базисного словаря и скорость лексического (а также, возможно, структурного — фонологического и грамматического) расхождения родственных языков* в зависимости от внешних и внутренних факторов эволюции языка. Существенной остается степень географической и исторической изолированности говорящих на данном языке, ср. пример исландского языка и его особой лексической консервативности. Значительный интерес представляет проблема внешних факторов, влияющих на число заимствований и соответственно на темп изменения словаря. Хотя *пиджины и креолизированные языки* представляют в целом особую проблему, тем не менее история языка должна считаться с наличием случаев, где, как в языке недавно найденных клинописных текстов из Катна (Qatna) в Сирии (2 тыс. до н. э.), словарь глагольных основ в целом отличался от словаря имен существительных — один отражал аккадское письменное наследие, другой — происходящую из традиции другой макросемьи лексику хурритского разговорного диалекта (об этом диалекте ср. анализ глосс у [WEGNER 2007: урок 15]; типологически сходное различие по происхождению глагольной и именной частей словаря отмечается в медновском смешанном алеутско-русском креольском языке).

2.2. Другим практически опробованным способом установления родственных связей между языками, место которых в генеалогической классификации оставалось неясным, явилось *массовое лексическое сравнение*, предполагающее значительно больший объем сохранения

¹ См., например, сравнение хеттского словаря с лувийским: [ИВАНОВ 2001].

древней части словаря. Безусловные положительные результаты, достигнутые в свое время на этом пути Дж. Гринбергом (в работах по классификации языков Африки), не позволяют сомневаться в эффективности этого приема. Но теоретические его основания, в том числе, определение границ рассматриваемого множества слов, остаются недостаточно разработанными.

2.3. Значительные успехи современной лингвистической науки в области изучения смысловых сфер языка и референции делают возможным и желательным детальное диахроническое изучение больших *семантических полей*. Это занятие дает проверяемые результаты и часто допускает *фальсификацию* (в смысле философии науки К. Поппера) при сопоставлении денотатов (референтов) слов с данными смежных наук. Но вместе с тем оно является трудоемким и может поэтому замедлить ход соответствующих сравнений словарей в целом. Поэтому такое исследование скорее должно поощряться на более поздних этапах, после предварительного решения общей задачи установления родства.

2.4. Для развития исторического языкознания в целом назрела задача систематического исследования *типологических закономерностей фонетического, грамматического и семантического изменения* (в том числе и изучаемого статистически на максимально широком материале разных семей языков и сопоставления различных документированных периодов в истории и/или различных ареалов в пространственной лингвистике). Отсутствие достаточно проверенных выводов часто заставляет ограничиваться более или менее случайным набором аналогий. Между тем использование компьютерных баз данных открывает перспективы для создания вполне надежных собраний обобщений в этом разделе лингвистики.

3.1. Как показал опыт детального изучения индоевропейской семьи языков и ее отдельных ветвей, по крайней мере для языков такого типа (*синтетических* с хорошо развитой *морфологией*, значительной ролью *фузии* в структуре слова, обычно *многоморфемного* и *многосложного*, и наличием системы *морфонологических* правил, в том числе акцентуационных) наиболее отчетливые результаты в диахронических исследованиях получены при сравнении *грамматических морфем*. Однако по отношению ко многим семьям языков с другими типологическими характеристиками (в частности, *изолирующих* и *аналитических*, с преобладанием слов, совпадающих с *морфемой* и *слогом*) не имеет смысла (во всяком случае, по отношению к непосредственно доступному для наблюдения периоду истории) говорить о морфологии.

3.2. В таких языках исследователь сосредотачивается на морфемах, выделяемых по их *синтаксической* функции и имеющих *грамматическое значение* (обязательное для целых классов сочетаний), но не выделяемых в пределах одного слова. При всем существенном отличии грамматического типа таких языков (в частности, Юго-Восточной Азии, Африки и Центральной Америки) нет оснований предполагать, что для их сравнительно-исторического изучения потребуются какие-либо особые методы². Современное состояние исследования *универсалий языка в общей грамматике* позволяет думать, что при всех локальных различиях и доказанном существовании редких явлений основные принципы лингвистической структуры одинаковы во всех языках мира. Это можно считать проверенным во всяком случае на материале более тысячи языков, см. [Насрепматн & al. 2005], т. е. примерно шестой части всех существовавших к началу нашего века языков; среди них пока не обнаружено ни одного языка с отступлением от предполагаемых универсальных черт³. В диахронии не существует строгой границы между грамматическими типами. Древнекитайский язык, в классическую эпоху представляющий образец языка без морфологии, в предшествующий период характеризовался наличием падежных форм и противопоставленных друг другу по функции типов глагольных переходных и непереходных основ.

4.1. После того, как с помощью сравнения лексических и грамматических морфем и выявления закономерного характера соответствий между ними установлено родство языков, оказывается возможным построение *системы соответствий*. Следует (в соответствии с тем метаязыковым описанием сравнительного метода, которым наука обязана А. Мейе и Ф. де Соссюру) подчеркнуть *строго формальный характер тех операций*, которые производятся на этом этапе (по этой причине они вполне доступны для алгоритмической формулировки и хотя бы частичной компьютериза-

² Этот теоретический вопрос изучался в ряде последних работ выдающегося исследователя многих языков Юго-Восточной Азии Ю. К. Лекомцева, занятия которого были рано оборваны трагической смертью.

³ Обсуждаемые во многих статьях последних лет особенности числительных в пирахан и некоторых других языках Амазонии в целом не дают оснований для вывода о нарушении общетипологических закономерностей ([Иванов 2005; 2007]).

ции, хотя даже и по отношению к наиболее хорошо изученным индоевропейским языкам мы находимся в самом начале такой работы). Устанавливаемые соответствия между языками представляют *абстрактную систему соотношений*, определяющих реконструируемые единицы только как элементы этой формальной системы. Юношеское исследование де Соссюра (в частности, в том его формализованном изложении, которое принадлежит Ельмслеву [1952]) до сих пор остается образцом формальных операций над системой соответствий, позволяющих выявить наиболее раннюю структуру, получаемую из наблюдаемой посредством вычислений типа математических.

4.2. После построения абстрактной системы соответствий и произведенной с ее помощью строго формальной реконструкции оказывается возможным предложить на основе общетипологических соображений в сочетании с другими косвенными данными фонетическую *интерпретацию* полученной абстрактной системы. Четкое разделение реконструируемой абстрактной системы (или нескольких альтернативных систем, которые теоретически могут быть результатом компьютерных операций над соответствиями) и ее интерпретации представляется необходимым для строгого метаязыкового понимания принципов сравнительного языкознания. Реконструированных (человеком-исследователем или компьютером) систем может быть несколько, как и способов их интерпретации (ср., например, современное состояние вопроса о характере серий индоевропейских смычных и фонем, в которые они развились в хеттском и других анатолийских языках). Важнейшим вопросом являются *критерии выбора наиболее адекватной системы* из многих теоретически возможных. Приходится настаивать на том, что в число критериев не должно входить число повторений традиционной точки зрения в учебниках и других пособиях.

5. Рассмотрим вопрос о критериях выбора абстрактной фонологической системы и ее фонетической интерпретации на примере недавно выявленных соответствий между вновь изученным южно- (или западно-) анатолийским *лувийским* языком и ранее сравнительно полно исследованным северно- (или восточно-) анатолийским *хеттским*. Оказалось, что в ряде случаев начальному хеттскому *š-* отвечает клинописное лувийское *t-/d-* (глухой и звонкий согласный в начальном положении в этом виде клинописи не различаются) при отсутствии соответствующего согласного в родственных формах остальных индоевропейских языков:

(I) хеттск. *šakuwa* ‘глаза’: лувийск. *tawa* (с закономерным исчезновением интервокального лабиовелярного): латинск. *oculus*, русск. *око*, древнеанглийск. *ēage* > *eye*, немецк. *Auge*;

(II) хеттск. *šankuwi-š* ‘ноготь’: лувийск. *tamuga*⁴: латинск. *ungui-s*, русск. *ноготь*, древнеанглийск. *nag(e)l* > *nail*, немецк. *Nagel*;

(III) хеттск. *šak(a)n*, *šak(a)nuwant-* ‘масло, жир’ — лувийск. *tain* ‘масло’ ([HOFFNER 1994; 1995]; [КЛОЕКНОРСТ 2008: 702–703]; [CHD, Vol. Š: 35–36]): возможно, хотя и проблематично, сравнение с латинск. *unguen*⁵;

(IV) хеттск. *šehuṛ/n-* ‘моча’: лувийск. *dūr/n-* ‘моча’ (существительные архаического гетероклитического типа: [КЛОЕКНОРСТ 2008: 741–743; 899]): латинск. *ūrīna* ‘моча’ (сравнение с одним из распространенных в разных макросемьях названием ‘воды’ было давно предложено, но не общепринято).

Сравним разные объяснения этих и других подобных им соответствий, предложенные в научной литературе.

5.1. В первом изложении сравнительной фонетики анатолийских языков К. Мелчерта, который исходил из идеи наличия *общеанатолийского* праязыка, развившегося из общеиндоевропейского и затем распавшегося на хеттский, лувийский и другие анатолийские диалекты, было предположено вслед за замечательным словенским лингвистом Б. Чопом ([ČOP 1965: 100–103]) «*нерегулярное*» развитие проанатолийского **š-* в лувийский зубной смычный ([MELCHERT 1994: 274–275]). Слабость этой формулировки определяется тем, что в других случаях общеанатолийскому и хеттскому **š-* отвечает неизменившееся лувийское *š-*, а остальные зубные смычные в лувийских словах индоевропейского происхождения восходят к соответствующим древним зубным/ переднеязычным **t-*, **d-*, **dh-*.

⁴ Появление *-m-* вместо *-n-* отмечается кроме лувийского также в тохарском соответствии. Лувийск. *-ug-* отражает другую серию смычных по сравнению с (I).

⁵ Эта этимология предполагает инфиксальный характер **-n-* в латин. *unguo*, др.-инд. *a-na-k-* / *añj-*; в хеттск. *šak(a)nu-* аналогичный носовой аффикс выступает после корня, а не перед его последней согласной фонемой: но характер этой последней вызывает сомнения, т. к. в хеттском отражается велярный, возможно из-за диссимилиации индоевропейского лабиовелярного с последующим **-u-* глагольной основы, ср. о формах **sag-* (**saguwant-*: латинск. *unguent-*?) и *sagn-* в хеттском ([HOFFNER 1994; 1995]).

5.2. Мысль одного из первых создателей сравнительной грамматики хеттского языка Э. СТЕРТЕВАНТА ([STURTEVANT 1927: 163]) пересказана автором только что вышедшего этимологического словаря хеттского языка А. КЛУКХОРСТОМ ([КЛОЕКНОРСТ 2008: 705]) следующим образом. СТЕРТЕВАНТ предлагал объяснить подобные случаи комбинацией двух ранее гипотетически предложенных единиц праязыка — начального **s- mobile* (такого начального **s-*, которое в одних индоевропейских языках наличествует, а в других отсутствует без определенных причин) и следующего за этой гипотетической фонемой ларингального **H₃*. В теперешней записи ([КЛОЕКНОРСТ 2008: там же]) в реконструированной для (I) праформе **s-H₃ek^w* сохраняется действие постулата, по которому индоевропейские корни, начинающиеся в исторических языках с гласного, утратили предшествующий ларингальный элемент. Обсуждая эту гипотезу как одну (по его мнению не самую убедительную) возможность, КЛУКХОРСТ замечает, что для (II) в таком случае следовало бы предположить исходную форму **s-H₃ng^h-u-* ([КЛОЕКНОРСТ 2008: 725], где форма объясняется исходя из **s- mobile*). Но в обеих основах судьба первой восстанавливаемой фонемы остается без достаточных объяснений.

5.3. В тех же работах СТЕРТЕВАНТА ([STURTEVANT 1927: 163]) и КЛУКХОРСТА ([КЛОЕКНОРСТ 2008: 705]) обсуждается и возможная этимология первого слова (I), основанная на его сравнении с (Ia) герм. **sef^wan* ‘видеть’ (готск. *sailwan*, др.-исл. *sjā*, др.-фриз. *siā*, др.-сакс. и др.-в.-немецк. *sehan* > *sehen*, др.-английск. *sēon* > *see*) < **sek^wan* ‘следить глазами, следовать’ (латин. *sequor*).

Предполагается сохранение в анатолийском и германском исходного значения глагола среднего залога ([BALDI 1974; 2002: 73, 278, 365, 396]), тогда как остальные индоевропейские диалекты осуществили семантическую инновацию (обратное предположение об архаизме значения

(Ib) в латинском, а также в др.-ирландск. *sechithir*, греч. *ἔπομαι*, др.-инд. *sáce*, не пользуется популярностью, хотя и имеет сторонников в новых работах по дальнему родству).

Сложность проблемы выясняется из наличия в хеттском не только приведенного существительного, но и однокоренного глагола *sakuwai-* ‘видеть’, возможно, родственного как германским формам с тем же значением, так и

(Iv) албанск. *shoh* < **sāk-ska-* < **sēk^w-[e]sk^w-* ([THUMB 1905–1906: 266, fn. 5]; [HULD 1984: 114–115]; [OREL 2000: 100, 148, 184]; особенно следует отметить тождество праалбанской реконструированной формы древне- или среднехеттскому итеративу *sakuwiske-* ‘видеть’ ([ИВАНОВ 1981], примеры употребления: [CHD, Vol. Š: 551]).

Начиная со статьи СТЕРТЕВАНТА и позднее обсуждался вероятный с точки зрения ученых того времени выбор двух возможных объяснений хеттского названия «глаза» — либо из основы этого глагола (которая или сохранила древнее значение, наличествующее в латинском и в других диалектах кроме германских и албанского, или развила новое значение типа представленного в латинском и других диалектах, кроме анатолийских, германских и албанского), либо из основы индоевропейского названия «глаза», которое в этот период реконструировалось с начальным ларингальным. Трудность его сравнения с хеттск. *šakuwa* ‘глаза’ (Pluralia tantum, скорее всего из древней формы двойственного числа, в хеттском исчезнувшего: [ИВАНОВ 2001: 129]; [HOFFNER & MELCHERT 2008, pt. 1: 68. fn. 15]) относится к написанию и фонетике: несдвоенное написание интервокального *-ku-*, казалось бы, противоречит закону СТЕРТЕВАНТА, хотя и может объясняться, например, ленированием подобных фонем уже в ранний период (ср. также отражение индоевропейского звонкого в родственной древнепрусской форме и наличие долгой ступени гласного корня в древнехеттском и праалбанском; ленирование после долгого гласного в анатолийском могло быть фонетически закономерным). Вместе с тем со словообразовательной и семантической стороны соответствие хеттск. *šakuwa* ‘глаза’ индоевропейским названиям «глаза» поддерживается формой

(Iγ) хеттского *šakuni-* (в части форм, связанных с этим словом, закон СТЕРТЕВАНТА соблюдается: [КЛОЕКНОРСТ 2008: 702–703]; [CHD, Vol. Š: 58, 77]), которое можно отождествить с названиями «родника, болота», образованными от той же основы в балто-славянском (русск. диалектн. *око* ‘окно, отверстие, наполненное водой, в болоте’) и армянском.

5.4. Поскольку ни одно из приведенных объяснений СТЕРТЕВАНТА не может быть принято безоговорочно, выдвигается другое предположение, основанное на том, что и в (I) и (II), и в ряде других позднее выявленных аналогичных соответствий (III)–(IV) в основе можно предположить исчезновение ленированного велярного согласного ([КЛОЕКНОРСТ 2008: 705–706]). Как и почему это обстоятельство, подробности которого совсем непонятны в (IV), могло влиять на характер первого согласного, остается неясным. КЛУКХОРСТ предлагает не реконструкцию праформ, а описание некоторых их особенностей, быть может, полезное для исторической фонетики, но не объясняющее происхождения праанатолийских форм.

5.5. Несколько предложенных объяснений этих соответствий между хеттским и лувийским исходит из допущения палатализации. Согласно Я. Пухвелю ([PUHVEL 1974; 1975; 1979]), в (i) хеттск. *šakuwi-* < и.-е. **dh₁^o/(a?)gh^w-* > др.-греч. *σοφός* ‘мудрый’ по аналогии с палатализацией **dy/i-* > *ši-*, происходящей в хеттском (*šiw-att* ‘день’: латинск. *diēs*; в самой ранней надписи царя Аниттаса др.-хетт. *šiu-šummi* ‘наш бог’ или имя ‘Нашего-Бога’: [HOFFNER & MELCHERT 2008, Pt. 1: 138, fn. 9]; латинск. *deus*). Однако ни в одном из достоверных примеров палатализирующий элемент не сохранился, и этимология древнегреческого слова остается спорной. Поэтому гипотеза не может быть проверена.

5.6. Вариант идеи палатализации был предложен Ф. Йосефсоном. В общем исследовании разных случаев предполагаемого действия этого процесса в хеттском он предположил в подобных словах наличие палатального ларингального **h^y* ([JOSEPHSON 1979: 100–101]). Но именно палатальный его характер не подтверждается соответствиями.

5.7. Эти идеи палатализации получили развитие в посмертной публикации Джиллиан Харт ([HART 2004]). Она думала (как бы предугадывая гипотезу Клухворста, ее работу не упоминающего) о неслучайности того, что во всех хеттских словах рассматриваемого типа можно восстановить ларингальный *h₃* (предположительно лабиоларингальный), после которого дальше обнаруживается лабиальный *w* или *u*. Соответственно Харт допускала следующую последовательность изменений:

A. В индоевропейском реконструируются ларингальные **h₃e* и **h₃a* > **h₃o*.

B. В пранатолийских формах осуществляется ассимиляция **g^w... y^w* > *y^w... y^w*.

C. Перед концом пранатолийского периода происходит диссимиляция второго **y^w* > **y^u* в окружении лабиальных *w* или *u*.

D. Лабиальный элемент **h₃* теряется перед **o*.

Большинство этих процессов определяются скорее интеллектуальной модой (реконструкция фонетических особенностей ларингальных) и не подтверждаются бесспорными свидетельствами исторических языков⁶.

5.8. Если исходить из предположения о происхождении хеттского и лувийского из двух самостоятельных индоевропейских диалектов, то нет необходимости в восстановлении общей праанатолийской формы для разбираемых слов, сведение которых на этом уровне к одному источнику оказывается настолько трудным. На формальном языке соответствий можно думать о новой индоевропейской фонеме, реконструируемой на основании отождествления начального хеттск. *š-* = лувийск. *t-/d-* и отсутствия согласного в других диалектах ([IVANOV 2001]). Однако в том, что касается последнего соответствия, сложности могли бы возникнуть с (I, Ia, Ib, Ir). Представляется возможным следующее решение. Примем за возможную фонетическую интерпретацию реконструируемой начальной индоевропейской фонемы ее функционирование как фрикативного спираанта типа **θ* (английск. *th-* в *thin*). В глагольной основе, которая может быть восстановлена в индоевропейской форме **θok^w-e/o-* ‘видеть’ (откуда глагольные словоформы Ia и Ib, а также такие названия «глаза, взгляда» вероятного глагольного происхождения, как др.-ирл. *ro-sc*), этот начальный согласный представлен как **s-*: **θ-* > **s-*; сохранение в германском глухости интервокального согласного позволяет по закону Вернера реконструировать ударение на слоге глагольного аффикса; **θok^w-é/ó-*. В родственных именных формах всех других индоевропейских диалектов кроме хеттского и лувийского эта фонема исчезает: **θ-* > **θ*; озвончение в германском глухого индоевропейского лабиовелярного интервокального согласного позволяет по закону Вернера реконструировать ударение на корневом слоге **θók^w-e/o-*. Ударение на начальном корневом слоге в этом индоевропейском названии глаза подтверждается древнехеттским написанием именной формы с possessивным местоименным суффиксом *ša-a-ku-wa-aš-me-et* ([HOFFNER & MELCHERT 2008, pt. 1: 140]). Соответственно в английск. *eye* и *see*, немецк. *Auge* и *sehen* представлены образованные от одного и того же корня именные и глагольные основы, различавшиеся в индоевропейском месте ударения и соответственно в германском характером согласных. Поскольку различие в судьбе начального согласного **θ* обнаруживается в таких словоформах, которые при общности корня различаются категорией (частью речи) и акцентуацией, можно думать, что и эта особенность звуковой формы глагольной или именной формы определялась теми же факторами или другими, с ними же связанными.

⁶ К числу слов, разбираемых Харт, относится также *suwai-*, для которого предполагалось значение ‘птица’, возводившееся к праиндоевропейскому ([SCHINDLER 1969]). Но в последнее время для этого слова предположено совсем другое значение — ‘отказ’ ([KLOECKHORST 2008: 795]). Возможно, что для окончательного решения проблемы, кроме еще нескольких слов с вероятным начальным **s-* mobile, как хеттск. *samluwa-* ‘яблоко’: русск. *яблоко*, англ. *apple* ([ГАМКРЕЛИДЗЕ, ИВАНОВ 1984, т. 2]), потребуется еще и привлечение подобных слов с такими же соответствиями в середине слова (хеттск. *hwīš-* ‘жить’: лувийск. *huit-*, [HART 2004]; [KLOECKHORST 2008: 355]).

Восстановленное таким образом соотношение глагола ‘видеть’ и существительного ‘глаз’ типологически сходно с родством основ ‘слышать’ (хеттск. *ištam-aš-* от основы, находящей соответствия в афроазиатском — древнеегипетском и семитском — и картвельском: [ГАМКРЕЛИДЗЕ, ИВАНОВ 1984, т. 2]) и ‘ухо’ (хеттск. *ištam-ana-*), ср. тохарские производные с теми же значениями и суффиксами, образованные от и.-е. **kleu-/w-* ‘слышать’, и ряд других аналогичных образований.

6.1. После того, как на основании соответствий между родственными языками восстановлена абстрактная система праязыка и дана ее интерпретация, учитывающая типологические и другие косвенные данные фонетического, грамматического и лексического характера, наступает следующий этап сравнения. На этом новом этапе, который представляет особый интерес для нашего журнала, *основные методы установления и истолкования соответствий остаются такими же*, как и на предшествующем этапе. Но меняется объект исследования. Лингвист *сравнивает не языки, а восстановленные праязыковые системы*. Разумеется, элементы такого сравнения есть и на предшествующем этапе, когда нередко оказывается нужным проинтерпретировать в более ранние периоды истории языка.

Но существенным шагом в развитии всех сравнительно-исторических лингвистических исследований явилось наблюдение Х. Педерсена, развитое затем в серии работ В. М. Иллич-Свитыча. Они предположили, что предметом более глубокого (по времени) сравнения могут быть не сами языки, засвидетельствованные историческими памятниками или современными описаниями, а результаты праязыковой реконструкции, осуществленной благодаря их сравнению.

6.2. В этом последнем случае очень важным вопросом является *число и характер сравниваемых праязыков*. В наших беседах с ним на эту тему В. М. Иллич-Свитыч не раз подтверждал, что, готовясь к своему основному словарю, он не был заранее уверен в том, что число праязыков, входивших в ностратическую макросемью, действительно ограничено только теми, которые обозначены в заглавии его книги. Он выбрал для сравнения праязыки этих языковых семей (индоевропейской, картвельской, афроазиатской, дравидийской, уральской и алтайской), считая, что для них уже разработаны сравнительно-исторические грамматики и словари. Начало попарным сравнениям этих языков было положено раньше — начиная с книги Ф. Боппа об индоевропейском и картвельском. Ностратическая гипотеза включила результаты таких более ограниченных сопоставлений, продолжавшихся и после обнародования всей широкой картины этой макросемьи в целом. Так, изолированные уральско-индоевропейские сопоставления, успешно начатые Б. Коллиндером, нашли достойное продолжение в большой серии исследований Б. Чопа.

На современном этапе исследования макросемей степень изученности членов каждой из наиболее изученных среди них может диктовать большую или меньшую определенность в предварительных выводах относительно состава макросемьи и конкретного соотношения ее системы с каждым из отдельных праязыков. Это касается, например, намеченного еще в первых трудах А. Б. Долгопольского и потом Дж. Гринберга вопроса о родственных связях нескольких евразийских языков Северо-Востока Азии с ностратическими. Хотя многие сходства эскимосско-алеутского с другими ностратическими бросились в глаза ряду исследователей еще в первой половине XX в., окончательные выводы могли быть сделаны только после детальных сопоставлений, проведенных О. А. Мудраком. То, что бурушаски и баскский скорее всего родственны той большой совокупности языков, из которых в историческом плане лучше изучены северо-кавказские, было давно предположено многими учеными (иногда, как Н. Марр, страдавшими отсутствием сколько-нибудь надежных методов сравнения). Но из области сомнительных догадок в сферу научно проверяемых гипотез подобные предположения перешли совсем недавно по мере разработки детальной исторической фонетики этих языков.

6.3. У исследований отдаленного родства могут быть разные цели. С одной стороны, они представляют огромный интерес для выяснения ранних этапов распространения и развития макросемей. С другой стороны, следует подчеркнуть их *роль в выполнении традиционных задач исторического языкознания*. Установление отдаленного родства для семьи языков означает возможность продлить изучение истории ее праязыка, восстановив самый древний период, ранее бывший доступным лишь для *внутренней реконструкции*, базировавшейся на соотношениях внутри абстрактной системы. По существу наиболее ранним примером этого подхода в истории индоевропейского языкознания явились исследования Г. Мёллера и А. Кюни, открывших афроазиатские соответствия тем «сонантическим коэффициентам», которые предположил де Соссюр в упомянутой выше пионерской работе (ср. очень объективно изложенную историю вопроса в книге [STURTEVANT 1942]).

6.4. Поскольку по данным лексикостатистики, согласующимся с анализом морфологии глагола, несомненно раннее отделение хеттского и лувийского от других диалектов индоевропейского праязыка, возникает вопрос о тех архаизмах, которые еще могли сохраниться в этих анатолийских языках, а в других индоевропейских уже не прослеживаются. С этой точки зрения большой интерес представляют самые ранние свидетельства об анатолийских языках, сохраненные в староассирийских письмах из торговых колоний в Малой Азии начала 2-го тыс. до н. э. Ранний тип сохраненных в этих текстах древнеанатолийских женских собственных имен представляет собой словосложение с последней (второй) основой *-ne/i^k/ga-*; в соответствии с древними принципами индоевропейского словосложения перед этой основой выступало соединительное **-o- > -a-*. За первой именной основой следовала группа морфов *-a-ni^g/ka*. Основа существительного, в древнеанатолийском выступающая как *nika*, в древнехеттском — *nega-* «сестра, кровная родственница *ego* в его поколении», принадлежит к архаичным общим элементам анатолийского (древнехеттского и лувийского) словаря. Передававшийся в хеттской клинописи несдвоенным написанием интервокального смычного *-g/k-* индоевропейский звонкий придыхательный заднеязычный в лувийском исчезал: хеттск. *anna-nega-* «двоюродная сестра» соответствует лувийск. *anna-niya-[mi]* (первая половина сложения представляет собой анатолийское имя «матери» — в несвязанной форме лувийск. *ann-i*, отвечающее ономатопоэтическим формам «детских» имен родства в других языках), хеттск. *neg-na* «брат» — лувийск. *nana-šr-i* «сестра»: к соответствующему лувийскому названию сиблинга — брата и сестры вместе взятых — присоединен последний элемент, обозначающий в индоевропейском женщину. Следовательно, исходная основа, близкая к хеттской, восстанавливается для праанатолийского (и, если считать два анатолийских языка, где она представлена, разными индоевропейскими диалектами, то и для праязыка, из которого они происходят). Точное соответствие обнаруживается в алтайском **nekV* > тунгусо-маньчжурск. **neku* «младший родственник (сестра, брат)» > негидальск. *нэхун* «двоюродный младший брат, двоюродная младшая сестра, племянник, племянница, брат или сестра мужа или жены, младше говорящего; младший, младшая», дравид. *nāg-* «младшая женщина» < ностратич. **nVkV*⁷. Слова с ностратическими этимологиями, отсутствующие в других индоевропейских языках, могут считаться особыми архаизмами анатолийского ([Иванов 2008]).

6.5. При проведении исследований, касающихся отдаленного родства между семьями, едва ли не определяющая роль во многих случаях принадлежит хронологии языковых явлений. Возвращаясь к подробно изученному за последние полвека вопросу об отношениях между картвельскими языками и индоевропейскими, можно заметить, что одна из главных трудностей состоит в отличении бесспорного общеностратического наследия (включающего такие элементы базисного словаря, как, например, название «сердца», и.е. *ker-dh-*) от позднейших культурных заимствований, которые были достаточно древними для того, чтобы успеть войти в общекартвельский словарь. Существенной оказывается возможность привлечения собственно лингвистических-фонетических критериев: в картвельских словах, унаследованных от праностратического, еще сохраняются исходные ларингальные, в поздних культурных заимствованиях из индоевропейского их уже нет.

В уралоистике до сих пор не решен спор между учеными, которые, как А. Йоки в его основополагающей монографии и Й. Койвулехто ([KoiVULENTO 1999]), рассматривают основное множество слов, общих для индоевропейского и финно-угорского, как результат заимствования, и представителями точки зрения, считающей их финно-угорским наследием. Едва ли не основную роль в выборе между заимствованием и дальним родством могут играть морфологические сопоставления, в частности, позволяющие восстановить единую парадигму праформ уральского и индоевропейского глагола ([Хелимский 1982]; [KORTLANDT 2001]).

Хотя некоторые (но далеко не все) уже достоверно выявленные макросемьи отличаются сплошным характером распространения на больших пространствах, это нельзя пока признать общей закономерностью (правда, сходный принцип родства, сопряженного с географической близостью, выявляется и в исследованиях по молекулярно-биологическим связям этнических групп населения). Последующие миграции могли создать систему довольно значительной «чересполосицы» в запутанной мозаике праязыков, географически соседствующих, но принадлежавших к разным макросемьям.

Поскольку реальный состав устанавливаемых макросемей (и тем более их пока проблематичных объединений на еще более удаленных хронологических уровнях) пока еще не мо-

⁷ [STAROSTIN-N]; [STAROSTIN, ДУВО, МУДРАК 2003, Vol. 2: 968]; [Цинциус 1982: 248]. Предполагаемая Старостинным праформа фонетически несводима с уральским сравнением, предложенным ранее Чопом, венгерск. *нб* и другими финно-угорскими и самодийскими названиями «женщины».

жет быть известен полностью и часто еще будет уточняться, принимаемые названия (как и введенные много раньше названия семей языков по отношению к более близким хронологическим уровням) нередко остаются пока условными (это относится к терминам типа «евразийский», «бореальный» и т. д.). Но непрерывное изменение названий может внести путаницу. Возможно, что следует остановиться на стандартизированной схеме пока принимаемых названий, а каждое предлагаемое изменение подвергать достаточно широкому обсуждению. Возможно и сохранение вариантов типа Indogermanisch = Indo-European.

7. Исследование заимствованной лексики, в том числе и миграционных терминов культурного характера, при всей исторической значимости получаемых выводов представляет непосредственный интерес для проблематики ближнего и дальнего родства главным образом в связи с необходимостью отделения этой категории общих слов от унаследованных (особняком стоят отмеченные выше проблемы, связанные с креольскими языками и пиджинами, где разграничение двух этих слоев лексики иногда крайне затруднено). Но в целом ряде случаев оказывается возможным использовать *исследование древних культурных терминов для выяснения отношений между членами одной макросемьи или нескольких макросемей, их заимствовавших.*

Рассмотрим в качестве примера один из многочисленных миграционных терминов, относившихся к струнным музыкальным инструментам. В большинстве языков древнего Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока именно благодаря значимости этой сферы культуры большинство соответствующих слов кочевало по всему тогдашнему цивилизованному миру, напоминая ситуацию современной международной научной и технической терминологии.

В хаттской основе *-zinar* ‘арфа, лира, струнный музыкальный инструмент’ наблюдается результат палатализации в положении перед *i* начального заднеязычного согласного в исходном слове семитского происхождения, которое (с другим гласным во втором слоге) отражено в основе хеттского имени деятеля ^{LÚ}*ki-nir-tal-la-aš* ‘музыкант-исполнитель, играющий на струнных инструментах’ (см.: [PUNVEL 1997: 182]; [IVANOV 1999]; [SCHUOL 2004: 163–172]), образованного посредством хеттского суффикса деятеля (по происхождению индоевропейского, этимологически соответствующего слав. **-telb-* > русск. *-мель*) от существительного **kinir-*. В хеттских текстах наряду с этим именем деятеля засвидетельствовано и синонимичное с ним слово, образованное посредством того же хеттского суффикса от хаттской основы ^{LÚ}*ḥa-zinir-talla-* ‘играющий на лире-арфе’ ([ПОРКО 1994: 81, 166]; [SOYSAL 2004: 155, 942, 1070]). Эта хаттская основа включает имеющий северо-кавказское происхождение локативный префикс направления *ḥa-*, за которым следует хаттское (из семитского) название ‘лиры’ *zinir* в форме, по огласовке второго слога (*-i-*, а не *-a-*, как в *zinar*) совпадающей с хеттской. Иначе говоря, в этих производных словах хеттская основа отличается от хаттской только начальным согласным: хеттское *k-* вместо хаттского *z-*. Для двуязычных хеттов, знавших (хотя бы в пределах сакрального обрядового словаря) уже (почти что) мертвый священный хаттский (по происхождению северо-кавказский) язык, из равенства хеттских имен деятеля

$${}^{\text{LÚ}}\text{-kinir-talla-} = {}^{\text{LÚ}}\text{ḥa-zinir-talla}$$

должно было следовать синхронное равенство названий инструментов

$$\text{kinir-} = \text{-zinir-},$$

которое находит диахроническое объяснение в происхождении хаттского *zinar-* / *zinir-* из семитского *kinar-*, отраженного в хеттском слове. Заимствование, объясняемое прежде всего музыкальными культурными контактами, можно соотнести с другими семитскими словами, предполагаемыми в хаттском, таких, как название ‘быка’ *milup* и ‘сына’ *binu* (как и рассматриваемые названия музыкальных инструментов, последнее слово имеет соответствие и в адыгском). В данном случае археологические данные о распространении лиры согласуются с гипотезой о западно-семитском происхождении ее названия.

Наиболее раннее письменное свидетельство этого (западно-)семитского слова представлено в Эбле в лексическом списке, датируемом примерно 2340—2300 г. до н. э.:

GI(= ki)-na-ru₂-um/rûm/lum = (шумерское) **BALAG** ([ПЕТТИНАТО 1982: 264, № 572], о позднейшей литературе об этом слове см. [FRANKLIN 2006]).

Археологические музыковедческие открытия последних лет показывают, что лиры разных размеров распространялись из западно-семитской области по всему Древнему Востоку (см.: [FRANKLIN 2007]). Эти музыковедческие выводы совпадают с лингвистическими. Слово, соответствующее др.-евр. *kinnor*, в форме *kinnarum*, встречается около 1700 г. до н. э. в Мари в тексте, где речь идет о мастерах, изготавливающих лиры для царя. Слово заимствуется в хурритский. Оно встречается в хурритских ритуалах из Богазкёя и дает основу для образования

хурритского производного, по смыслу сходного с приведенным хеттским именем деятеля (но использующего собственно хурритские словообразовательные средства): *LÚki-in-na-ru-ḫu-li*. После Амарнского времени, когда при Аменхотепе IV и после него громадные лиры древне-ближневосточного типа входят в употребление, в древнеегипетском засвидетельствовано заимствованное *knrr* ‘лира’. В эфиопском представлена форма *kerar* < **kenar*.

Наряду с подобными формами, сохраняющими исходную согласную фонему (западно-) семитской основы, в языках Древней Передней Азии и сопредельных стран представлены и формы, в которых, как в хаттском, в позиции перед *i* эта фонема палатализуется и превращается в аффрикату или фрикативную. Гласная, вызвавшая палатализацию, могла потом измениться, как в аккадском *zannaru* ‘лира богини Иштар или богини Инанна’, или сохраниться, как в хаттском *zinar*. Подобный *конвергентный* процесс палатализации мог происходить одновременно в разных языках, как можно предположить по отношению к коптскому *sinra* = [*sinera*]. Применительно к др.-арм. *ḏuṣur* [*ʃnar*] ‘пальцевый струнный музыкальный инструмент, лира’ (см.: [АЧАРЯН 1979: 129]); высказывалось предположение, что термин непосредственно восходит к хаттскому ([МКРТСНИАН 1974: 316]). Но кроме исчезновения гласного первого слога, вызвавшего палатализацию, есть и другие различия между древнеармянской и хаттской формами. Судя по правилам хеттского клинописного письма, начальный согласный хаттского слова был глухой аффрикатором *z* [*ts*]. Древнеармянский начальный согласный *ḏ* [*dʒ*] представляет собой звонкую аффрикату. В словах индоевропейского происхождения он обычно продолжает звонкое **g^{wh}*. Для объяснения различия можно предположить, что после утраты палатализирующего гласного первого слога палатализованный согласный (ставший аффрикатором) оказался перед *-n-*, что могло привести к его регрессивной ассимиляции — озвончению. Для типологического сравнения с хеттским представляет интерес наличие в древнеармянском (как и в египетском и коптском) двух разных форм названия струнного инструмента — *ḡuṣur* [*ʃnar*], фонетически близкого к хаттскому *zinar*, и *pḡuṣur* [*k^hnar*] (шипковый струнный инструмент), отражающего первоначальную семитскую форму.

Иначе обстоит дело с адыгскими музыкальными терминами, которые очень близки к хаттским. Соответствующее хаттск. *zinar* ст.-адыгейск. (отраженное в источниках первой половины XIX в.) *пшиинэ* < **p^hə(i)na* ‘струнный музыкальный инструмент’ засвидетельствовано в качестве первой части в двух сложных словах, которые с точностью до порядка слов совпадают с хаттскими.

1) Ст.-адыгейск. *пшиинэ ишхуо* ‘арфа’ < **p^hə(i)na-šx^{wa}* ‘струнный музыкальный инструмент + большой’ по С. Л. Николаеву и С. А. Старостину, в западно-кавказском адыгейск. и кабард. *-šx^{wa}*, убыхск. *šx^{wa}* < зап.-кавказск. **š^həx^{wa}* < пра-обще-сев.-кавказск. **š^həq^wV* ‘большой’ ([НИКОЛАЕВ, STAROSTIN 1994: 386]; дальнейшие старостинские сопоставления предполагают родство с сино-тибетским **čök* (~ *č-*), енисейским **su(?)K-* (?), бурушаски **śóq-*, баскским **aško* ([STAROSTIN-SC]); сохранение фрикативного из архаичной начальной аффрикаты в данном случае отличает адыгский от хаттского, в котором от начального комплекса осталась только вторая фонема). Поскольку для этого прилагательного в адыгском стала обязательной конечная позиция, изменился порядок элементов по сравнению с хаттским *ḫun-zinar* ‘большой струнный музыкальный инструмент; арфа’, где соответствующее хаттское прилагательное, восходящее к тому же северокавказскому, занимает первое место. Праадыгск. **šx^{wa}-* + **p^hə(i)na* ‘большой струнный инструмент, арфа’ содержит в качестве второго элемента слово, соответствующее хат. *zinar*. Можно предположить, что словосложение **šx^{wa}-* + **p^hə(i)na* ‘большая лира, арфа’ существовало в диалектах северо-кавказского еще до отделения хаттского от праадыгского — не позднее начала III тыс. до н. э., когда на Ближнем Востоке есть и первые археологические образцы больших лир.

2) Ст.-адыгейск. *энэ пшиинэ* ‘лира, арфа’, кабардинск. *энэ пшиинэ* ‘пальцевый инструмент, аккордеон, балалайка’ < **ʔapa* + **p^hə(i)na*; по С. А. Старостину, в западно-кавказском адыгейском и кабардинском первом слове могла произойти диссимилятивная дезабруптивизация; исходное **Наp^hV* восстанавливается по соответствию цезского (**ʔapa* ‘лапа’) с абхазо-абазинским **p^hə*, **na-p^hə* ‘рука’ ([НИКОЛАЕВ, STAROSTIN 1994: 545]), к которому присоединяется хаттское *ipri-zinar* ‘малый (ручной, пальцевый) струнный музыкальный инструмент; лира’. Как и в первом словосложении, во втором последний элемент исторически тождествен хаттскому.

Следующие фонетические изменения могут быть предположены в адыгском в отличие от более архаической хаттской формы, ближе стоящей к семитскому источнику. В начале слова в праадыгском губной смычный **p-* (в соответствии с общими правилами исторической фонетики этих языков) возник перед аффрикатором (ставшей позднее фрикативным согласно общefonетической закономерности), ср. аналогичное фонетическое соответствие между хеттским *tešha-* /

zašha ‘сон’ (из хаттского: [ИВАНОВ 2001: 232 и 283]) и праабхазо-кабардинским **pčə-há, *pčə-hāpa*, адыгск. *pčəhāp*, кабардинск. *pšəhāpa, pšəh* ‘сон’ ([NIKOLAEV, STAROSTIN 1994: 512–513]). Аффриката в хаттском (в отличие от древнеармянского) была глухой, но в соответствии с общекавказской реконструкцией С. Л. Николаева и С. А. Старостина она была придыхательной. Фрикативный *š*, в который в адыгском превращается аффриката, фонетически близок ко второй половине аффрикаты *z-* [ts] в хаттском. Гласный первого слога сохранился, как в хаттском (в отличие от древнеармянского). Конечный *-r* был потерян в праадыгском, а в хаттском сохранился.

Иначе говоря, в хаттском и праадыгском представлены одни и те же сложения заимствованного семитского слова со словами северо-кавказского (туземного) происхождения. Во всяком случае этот относительно поздний период истории слов после заимствования из семитского в праадыгском переживался одновременно с хаттским. Вероятно поэтому, что и промежуточный источник заимствования, где осуществилась палатализация, для них был общим. Палатализация, общая для адыгского и хаттского, произошла либо (скорее всего) в их общих источниках, представлявших собой пока точно не восстановленные близкие друг к другу северо-кавказские диалекты III-го тыс. до н.э., заимствовавшие слово из семитского, либо в другом языке (например, лувийского типа), откуда это слово могло быть заимствовано и в праадыгский, и в хаттский.

Хаттский язык сохранялся в качестве священного языка религиозных и придворных рядов в столице Хаттуссе и некоторых недавно раскопанных провинциальных центрах Хеттской Империи, но к середине II-го тыс. до н. э., скорее всего, уже был мертвым. Его общность с другими северо-западно-кавказскими языками относится ко времени не позднее III тыс. до н. э. К этому времени можно отнести и распространение этих музыкальных терминов.

8. Перечисленными вопросами (которые иллюстрированы достаточно случайными примерами — их легко было бы заменить или умножить) совсем не ограничено число тех актуальных проблем исторического языкознания и лингвистической таксономии, которые должны быть в центре внимания нашего журнала. Мы надеемся, что лингвисты разных стран и направлений примут участие в их деловом обсуждении на основе данных все увеличивающегося числа изучаемых языков.

Могут представить интерес начавшиеся во многих лабораториях молекулярной биологии исследования генетических признаков связей между группами населения в сопоставлении с выводами лингвистов. Сходство общих принципов передачи информации и искажения кодов и сообщений при их передаче в этих двух бурно развивающихся областях современного знания несомненно. Насколько удастся наладить деловое сотрудничество исследователей в этих и смежных с ними областях (избегая попыток искусственного сближения результатов) — покажет будущее.

Хотелось бы особенно пожелать успеха тем, кто занят сравнением исчезающих языков, скорость умирания которых в некоторых областях земного шара все увеличивается. Для исторического языкознания важно в случае этих языков как можно скорее выявить хотя бы список самых неотложных вопросов, на которые нужно еще успеть получить ответ до тех пор, пока жив хотя бы один активно на нем говорящий (вместе с тем нельзя не предупредить специалистов относительно растущей опасности появления лже-информантов, нередко появляющихся именно тогда, когда уходит на тот свет последний из говоривших на данном языке: это одно из проявлений того рыночного использования исчезновения языков, которое распространяется в самые последние годы).

Необходимость сохранения памяти о недавно еще существовавшем языковом разнообразии человечества, которое стремительно уменьшается с каждым поколением (если не с каждым двумя неделями — такова сейчас средняя скорость ухода языков!), представляется одной из главных задач лингвистики. Наш журнал был бы рад внести посильный вклад в осуществление этой задачи.

Л и т е р а т у р а

- АРАПОВ, ХЕРЦ 1974 — М. В. АРАПОВ, М. М. ХЕРЦ. *Математические методы в исторической лингвистике*. М.
- АЧАРЯН 1979 — Հ. Հ. ԱՇԽՆԱՆ [Р. Я. Ачарян]. *Հայերեն արմատական րիտիրան* [Этимологический корневой словарь армянского языка]. Հ. Դ. [Т. IV]: Պ–Ֆ. Երևան [Ереван].
- ГАМКРЕЛИДЗЕ, ИВАНОВ 1984 — Тамаз В. ГАМКРЕЛИДЗЕ, Вячеслав Вс. ИВАНОВ. [Մ. ԶԱՄԵՐԱԼԻԹԻՔ, Յ. ՈՅՆԵՐՅՈՅՈՒՆ ~ Thomas V. GAMKRELIDZE & VJACHESLAV VS. IVANOV]. *Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры*. Тбилиси: Издательство Тбилисского Университета [იბდოევროპული ენა და იბდოევროპელები. წინარეებისა და წინარეკულტურის რეკონსტრუქცია და ისტორი-

- ულტიპოლოგიური ანალიზი. თბილისი: თბილისის უნივერსიტეტის გამომცემლობა ~ *Indo-European and the Indo-Europeans. A Reconstruction and Historical Typological Analysis of a Protolanguage and a Proto-Culture*. Tbilisi: Publishing House of the Tbilisi State University].
- ЕЛЬМСЛЕВ 1952 — Луи ЕЛЬМСЛЕВ. Метод структурного анализа в лингвистике // *Acta Linguistica*, Vol. VI, fasc. 2–3 [статья первоначально автором была написана и напечатана по-русски, переиздание в СССР: *История языкознания XIX–XX веков* / Сост. В. А. ЗВЕГИНЦЕВ. М., 1965; стр. 102–109 [было несколько русских переизданий]].
- ИВАНОВ 2001 — Вяч. Вс. ИВАНОВ. *Хеттский язык* (2-е изд.). М.: «УРСС».
- ИВАНОВ 2005 — Вяч. Вс. ИВАНОВ. Типология языков бассейна Амазонки. II. *Числительные и счет* // *Вопросы языкознания*, № 5.
- ИВАНОВ 2007 — Вяч. Вс. ИВАНОВ. К антропологии числа // *АБ • 60. Сборник статей к 60-летию Альберта Кауффуловича БАЙБУРИНА* (= *Studia Ethnologica*, Вып. 4), СПб: Европейский Университет в Санкт-Петербурге; стр. 32–51.
- ИВАНОВ 2008 — Вяч. Вс. ИВАНОВ. Анатолийские личные имена и слова в староассирийских текстах XX–XVIII вв. до н. э. — древнейшие свидетельства об индоевропейских языках // *Вопросы языкознания*, № 2.
- СТАРОСТИН 2007 — Сергей А. СТАРОСТИН. *Труды по языкознанию*. М.: «Языки славянских культур».
- ХЕЛИМСКИЙ 1982 — Евгений А. ХЕЛИМСКИЙ. *Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели: Лингвистическая и этногенетическая интерпретация*. М.: «Наука».
- ЦИНЦИУС 1982 — В. И. ЦИНЦИУС. *Негидальский язык*. Л.
- BALDI 1974 — Philip BALDI. Indo-European *sek^w. // *Journal of Indo-European Studies*, 2; pp. 77–86.
- BALDI 2002 — Philip BALDI. *The Foundations of Latin*. Berlin–New York: MOUTON–DE GRUYTER.
- CHD — Hans G. GÜTERBOCK, Harry A. HOFFNER, Theo P. J. VAN DEN HOUT (eds). *The Hittite Dictionary of the Oriental Institute of The University of Chicago*. Chicago, Vol. **L–N**: fasc. 1 (*la-* to *-ma*: 1980), fasc. 2 (*-ma* to *mi(ya)ḫu(wa)nt-*: 1983), fasc. 3 (*mi(ya)ḫu(wa)nt-* to *nai-*: 1986), fasc. 4 (*nai-* to *nutarnu-*: 1989) [http://oi.uchicago.edu/pdf/chd_l-n.pdf]; Vol. **P**: fasc. 1 (*pa-* to *parā*: 1994), fasc. 2 (*parā* to ^(UZU)*pattar*: 1995), fasc. 3 (^(UZU)*pattar* to *putkiya-*: 1997) [<http://oi.uchicago.edu/pdf/CHDP.pdf>]; Vol. **Š**: fasc. 1 (*šā-* to *šaptamenzu*: 2002 [pp. 1–208: <http://oi.uchicago.edu/pdf/CHDS.pdf>]), fasc. 2 (*šaptamenzu* to *-ši-*: 2005 [pp. 209–332: http://oi.uchicago.edu/pdf/CHD_S2.pdf]).
- ЏОП 1965 — Bojan ЏОП. Sur une règle phonétique de la langue louvite // *Linguistica*, 7; pp. 99–123.
- FRANKLIN 2006 — John Curtis FRANKLIN. The Wisdom of the Lyre: Soundings in Ancient Greece, Cyprus and the Near East [Die Weisheit der Leier: Studien zum Altertum Griechenlands, Zyperns und des Nahen Ostens] // Ellen HICKMANN, Arnd Adje BOTH & Ricardo EICHMANN (eds.) / *Musikarchäologie im Kontext: Archäologische Befunde, historische Zusammenhänge, soziokulturelle Beziehungen*. Vorträge des 4. Symposiums der Internationalen Studiengruppe Musikarchäologie im Kloster Michaelstein, 19.–26. September 2004 [Music Archaeology in Contexts: Archaeological Semantics, Historical Implications, Socio-Cultural Connotations. Papers from the 4th Symposium of the International Study Group on Music Archaeology at Monastery Michaelstein, 19–26 September, 2004] (= Serie *Studien zur Musikarchäologie* [Studies in Music Archaeology], V = *Orient-Archäologie*, 20 / Herausgegeben von: Deutsches Archäologisches Institut, Orient-Abteilung). Rahden (Westfalen); pp. 379–397 [<http://www.kingmixers.com/Franklin PDF files copy/WisdomLyre.pdf>].
- FRANKLIN 2007 — John Curtis FRANKLIN. The Global Economy of Music in the Ancient Near East // J. GOODNICK WESTENHOLZ, ed. / *Sounds of Ancient Music*. Library of Archeology, Jerusalem: KETER Press; pp. 27–37 [<http://www.kingmixers.com/Franklin PDF files copy/GlobalEconBLM.pdf>].
- HART 2004 — Gillian R. HART. Some Problems in Anatolian Phonology and Etymology // *Indo-European Perspectives: Studies In Honour of Anna MORPURGO DAVIES* / Edited by J. H. W. PENNEY. Oxford Linguistics: Oxford University Press; pp. 341–354
- HASPELMATH & al. 2005 — Martin HASPELMATH, Matthew DRYER, David GIL, & Bernard COMRIE [eds.]. *World atlas of language structures*. Oxford: Oxford University Press,.
- HOFFNER 1994 — Harry A. HOFFNER Jr. The Hittite Word for ‘Oil’ and its Derivatives // *Historische Sprachforschung*, 107; pp. 104–112.
- HOFFNER 1995 — Harry A. HOFFNER Jr. Oil in Hittite Texts // *The Biblical Archaeologist*, Vol. 58, N°. 2 [Special Issue: *Anatolian Archaeology: A Tribute to Peter NEVE*] (June, 1995); pp. 108–114.
- HOFFNER & MELCHERT 2008 — Harry A. HOFFNER Jr. & H. Craig MELCHERT. *A Grammar of the Hittite Language*. Part 1. *Reference Grammar*. Winona Lake (Indiana): EISENBRAUNS.

- HULD 1984 — Martin. E. HULD. *Basic Albanian Etymologies*. Columbus (Ohio): Slavica.
- IVANOV 1999 — Vyacheslav IVANOV. An Ancient Name of The Lyre // *Archiv Orientalní*, vol. 67, № 4; pp. 585–600.
- IVANOV 2001 — Vyacheslav V. IVANOV. Southern Anatolian and Northern Anatolian as Separate Indo-European Dialects and Anatolian as a Late Linguistic Zone // *Greater Anatolian and the Indo-Hittite Family* / Ed. R. DREWS (= *Journal of Indo-European Studies*. Monograph Series. № 38). Washington (D.C.): Institute for the Study of Man; pp. 131–183.
- JOSEPHSON 1979 — F. JOSEPHSON. Assibilation in Anatolian // *Hethitisch und Indogermanisch*. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck; SS. 91–103.
- KLOEKHORST 2008 — Alwin KLOEKHORST. Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon // *Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series* / ed. A. LUBOTSKY. Leiden: BRILL.
- KOIVULEHTO 1999 — Jorma KOIVULEHTO. Verba mutata. Quae vestigia antiquissimi cum Germanis aliisque Indo-Europaeis contactus in linguis Fennicis reliquerint // *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia*, 237. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- KORTLANDT 2001 — Frederik KORTLANDT. *The Indo-Uralic Verb*. Leiden [https://openaccess.leidenuniv.nl/bitstream/1887/1949/1/344_139.pdf] (~ [KORTLANDT 2002]: *The Indo-Uralic Verb* // R. BLOKLAND & C. HASSELBLATT (eds.) / *Finno-Ugrians and Indo-Europeans: Linguistic and literary contacts* (= *Studia Fenno-Ugrica Groningana* 2). Maastricht: SHAKER; pp. 217–227 [www.kortlandt.nl/publications/art203e.pdf]).
- MELCHERT 1994 — H. Craig MELCHERT. *Anatolian Historical Phonology*. Amsterdam–Atlanta (GA).
- MKRTSCHIAN 1974 — N. MKRTSCHIAN [Ն. ՄԿՐՏՉԻԱՆ]. Neue hethitisch-armenische lexikalische Parallelen // *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*, XXII.
- NIKOLAEV, STAROSTIN 1994 — S. L. NIKOLAEV, S. A. STAROSTIN. *A North Caucasian Etymological Dictionary*. Moscow: “Asterisk” [= NCED].
- OREL 2000 — Vladimir OREL. *A Concise Historical Grammar of the Albanian Language*. Leiden: BRILL.
- POPKO 1994 — M. POPKO. Zippalanda: Ein Kultzentrum im hethitischen Kleinasien // *Texte der Hethiter*, Heft 21. Heidelberg: Carl WINTER.
- PUHVEL 1974 — Jaan PUHVEL. On Labiovelars in Hittite // *Journal of the American Oriental Society*, Volume 94, Number 3: July–September 1974; pp. 291–295.
- PUHVEL 1975 — Jaan PUHVEL. Greek Attestations of Indo-European **dhyagh^w* // *Incontri linguistici*, 2; pp. 129–134.
- PUHVEL 1979 — Jaan PUHVEL. Some Hittite Etymologies // *Florilegium Anatolicum. Melanges offerts à Emmanuel Laroche*. Paris: DE BOCCARD; pp. 297–304.
- PUHVEL 1997 — Jaan PUHVEL. Hittite Etymological Dictionary. Words beginning with K. // *Trends in Linguistics*, 14. Berlin–New York: MOUTON–DE GRUYTER.
- SCHUOL 2004 — Monika SCHUOL. Hethitische Kultmusik. Eine Untersuchung der Instrumental- und Vokalmusik anhand hethitischer Ritualtexte und von archäologischen Zeugnissen [Hittite Cultic Music. A Study of Instrumental and Vocal Music on the Basis of Hittite Ritual Texts and Archaeological Evidence] // *Orient-Archäologie*, 14 / Herausgegeben von: Deutsches Archäologisches Institut, Orient-Abteilung. Rahden (Westfalen).
- SCHINDLER 1969 — J. SCHINDLER. Die indogermanischen Wörter für “Vogel” und “Ei” // *Die Sprache*, 15; SS. 144–167.
- SOYSAL 2004 — O. SOYSAL. Hattischer Wortschatz in hethitischer Textüberlieferung // *Handbook of Oriental Studies*, Section One. *The Near and Middle East*. Vol. 74. Leiden–Boston: BRILL.
- STAROSTIN-N — S. A. STAROSTIN. *Nostratic Etymology* at <http://starling.rinet.ru>.
- STAROSTIN-SC — S. A. STAROSTIN. *Sino-Caucasian Etymology* at <http://starling.rinet.ru>.
- STAROSTIN, DYBO, MUDRAK 2003 — Sergey A. STAROSTIN, Anna V. DYBO, Oleg A. MUDRAK. *An Etymological Dictionary of Altaic Languages*. HdO Vol. 8-1, 8-2, 8-3. Leiden: BRILL, 2003 [= EDAL].
- STURTEVANT 1927 — Edgar H. STURTEVANT. The e-Perfect in Hittite // *Language*, Vol. 3; pp. 163–168.
- STURTEVANT 1942 — Edgar H. STURTEVANT. *Indo-Hittite Laryngeals*. Baltimore.
- THUMB 1905–1906 — A. THUMB. Zur Vorgeschichte von Got. *paida* // *Zeitschrift für Deutsche Wortforschung*, 7; SS. 261–267.
- WEGNER 2007 — Ilse WEGNER. *Eine Einführung in die hurritische Sprache*. 2nd edition. Wiesbaden: HARRASSOWITZ.

S u m m a r y

The article represents a brief survey of certain actual problems of comparative-historical linguistics, the solution of which, in the author’s opinion, is necessary to achieve further breakthroughs in this field. This includes such issues as lexical and semantic reconstruction; a proper application of morphological and lexicostatistical criteria to determine the limits of language families and macrofamilies; phonetic interpretation of the reconstructed phonological systems; and finding better criteria to distinguish between borrowed and inherited lexicon. Some approaches to solving these and other issues are demonstrated by the author on the basis of ancient and reconstructed languages of the Near Eastern region.